

*По темнеющим улицам, сомкнув ряды, движутся подержанные
машины,
стреляет глушитель, мусорник горит на углу,
девочка пристаёт к прохожим на остановке, спрашивает время,
сигарету, жевачку,
мальчики вспоминают, что надо застегнуть джинсы,
отворачиваются к стене с газетным стендом,
в «Часе пик» заголовок: «Петербурж в ожидании "Норд-Оста"»*

Д. Кузьмин. «Два мальчика и девочка с первого курса журфака...»

*Здесь Коломбина, ах, одна лишь,
А Арлекинов целых два.*

М. Кузьмин. Балет

О Дмитрие Кузьмине опубликованы тысячи восторженных, оскорбительных, комплиментарных, язвительных, завистливых, по поэтическому делу и политическому слову строк; десятки статей, аналитической (и не очень) критики, пасквилей, панегириков и эссе. В профиле «Современная русская литература с Вячеславом Курицыным»² на инфо-ресурсе «Новости от Марата Гельмана», которому я склонен доверять, о Д. Кузьмине написано пером так, что никаким плотницким топором ни вырубить: «Выдающийся литературный деятель эпохи развитого постмодернизма». А поэт и литкритик Наталья Черных в статье-мемуаре отмечает, с учётом многолетних заслуг: «Без Дмитрия Кузьмина русская литература с конца 80-х не существует, и лучше не пытаться представить, что было бы, если бы этого молодого человека с губами музыканта не потянуло в литературу»³.

Парадоксальным образом, но читая о Кузьмине (наряду с массой прочих суждений и тезисов) негативное мнение Дмитрия Быкова, который с трудом не сбивается на инвективную лексику; нелюбезные комментарии Марины Кулаковой; глубокий

---

¹ Информация об авторе опубликована в разделе «Редакционная коллегия» (стр. 5).

² Инфо-ресурс «Новости от Марата Гельмана». URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/kuzmin.htm>

³ Наталья Черных. Дмитрий Кузьмин, как явление природы. Из-во «Русский Гулливер». URL: <http://gulliverus.ru/chernih-6.html>

интертекстуальный обзор Кирилла Корчагина либо критический манифест Марии Майофис о новом типе поэтического высказывания, касающегося политики, – приходишь к выводу, что современной русской литературе с Кузьминым повезло. И уже внимательно взглядевшись, осознаёшь масштаб, ценность и уникальность Дмитрия Кузьмина – поэта, переводчика, литературного критика, литературоведа, издателя, активного участника гей-движения, политического диссидента 2010-х годов, культуртрегера.

Нет, никогда и ничего я не хотел отменить,
а если вернуть, то лишь затем, чтобы прожить ещё раз,
Ctrl+Z, Ctrl+Y, раз уж вариант с Ctrl+S, по опыту Фауста, не проходит,
но одной жизни человеку безбожно мало,
как одной книги, той самой, которую надо взять на необитаемый
остров,
но у меня большая библиотека, я её собирал, как мог,
даже в Ньюкасле (иногда приходится читать быстро),
но здесь так много школьников, они так прыгают, так сладко потеют,
так плотно спрессовываются, ближе к полуночи, в очереди к выходу,
оттесняемые охраной, дозирующей доступ в гардероб,
что я понимаю: скоро уже отплывте.

И мы возьмём друг друга с собой.¹

С Кузьминым мы не знакомы, но из всех, с кем мне доводилось встречаться по жизни, ближе всего он, по моим ощущениям, к Аллену Гинзбергу, знаковому американскому поэту второй половины XX века, журналисту и просветителю, значимой фигуре в своём поколении. В огромной степени благодаря Гинзбергу, это поколение и сформировалось, и состоялось под флагом «битничества»; и позже все сто цветов расцвели в мегаполисах и в глубинке, а текстологически – в разных, сегодня и в самых консервативных изданиях.

Судьбоносную встречу Гинзберга с Берроузом и Керуаком можно считать не только отправным пунктом в контексте бит-поколения, но и в истории мировой литературы. Публикация поэмы Гинзберга *Howl* (1954), местами кажущейся оммажами к текстам У.К. Уильямса, У. Уитмена, У. Блейка, Д. Керуака, стала днём рождения новой американской поэзии – со свободной экспрессией, сексуальным либерализмом и прочими ценностями. Почти десятилетие спустя всё это краеугольным камнем войдёт в политический, гендерный, семиотический дискурсы контркультуры США.

Гинзберг проявлял невероятную политическую активность,

---

¹ Здесь и далее, стихотворения и отрывки из стихотворений Д. Кузьмина, цитируемые из разных источников.

отстаивал свою гражданскую позицию, выступал за свободу слова, права гомосексуалов и декриминализацию марихуаны. Он принимал участие в ненасильственных политических протестах – начиная с вьетнамской войны и заканчивая цензурой, полицейским произволом и кампанией по борьбе с наркотиками, за что неоднократно бывал арестован. Собственно, как поэт, политический активист и борец за сексуальную свободу он и вошел в актуальную историю литературы и либерализма.

Как говорил, составив почти похожую триаду, главный герой популярного в наши дни британского сериала *Peaky Blinders*: «Главное в жизни? Sex, freedom and whisky sour».

Когда в 1990-м я побывал в гостях у Аллена Гинзберга и его супруга Питера Орловски в их небольшой квартире в манхэттенском Alphabet City, Гинзберг за обеденным столом поинтересовался, насколько политизирована нынешняя русская поэзия; насколько свободна, раскована современная русская словесность и, естественно, как относятся в России к гей-поэзии? О современной русской гей-поэзии я тогда ничего, практически, не знал, отталкиваясь в своем мнении от ряда тамиздатовских журналов, вроде альманаха «Мулета» Толстого (Владимир Котляров) да литературного «А-Я» (тексты Евгения Харитонов), и некоторых тематических публикаций в самиздате – «Митином журнале» и «Часах». А что касается политизации и раскованности, то принимая в те годы активное участие в деятельности московского Клуба «Поэзия», я тут же выстроил нехитрый ряд из нескольких имен близко знакомых мне поэтов: Дмитрия Александровича Пригова, Генриха Сапгира, Николая Байтова, Аркадия Драгомощенко, Алексея Парщикова, Юрия Арабова, Ивана Жданова, Александра Ерёмченко, Нины Искренко, Андрея Туркина и Юлия Гуголева...

Мама
ушла на пенсию
из ФСБ
вспомнила
про 20-летнего сына
давай, говорит, погуляем
соскучилась
давно не было времени
пошли по морозцу
куда-то зашли
давай, говорит, возьмём
кровь на анализ
проверим тебя на наркотики...

Сегодня вполне достаточно было бы назвать имя Дмитрия Кузьмина, чтобы ответить на заданные мне почти 30 лет назад вопросы «главного битника» Америки. В середине 1980-х я присутствовал в московском ЦДЛ на одном из заседаний «Дневника критика», которое привычно вел Станислав Лесневский. Подняли тему: «Сколько нужно бы поэтов, чтобы возникло поэтическое поколение?» Недолго искали ответ, почти сразу определившись: один. Одной яркой личности и соответствующего диапазона поэта для того, чтобы возникло поэтическое поколение, достаточно.

Кузьмин привёл в поэзию целое поколение поэтов, родившихся в 1970-80-х. Вернее, благодаря Кузьмину это поколение явило себя в текстах, публикациях, манифестах, выступлениях. Это как в популярном в гуманитарной науке иконическом повороте (1970-е), когда те или иные образы входят в мир через нас; либо в лингвистическом повороте (1960-е), когда было заявлено, что не мы говорим, а речь говорит нами, то есть мы и являемся, как метафизически/метафорически отметил в 1980-х Бродский, «частью речи». Не будь Кузьмина, поэтическая речь целого поколения могла бы столь ясно и полноценно не прозвучать и не достичь читателя, не вписалась бы в реальность; и не будь Кузьмина, многие имена известных сегодня поэтов не были бы, вероятно, представлены единым трендом в русской литературе. Так в его судьбе получилось – не случайно и не ситуативно-отстранённо: эту ситуацию он прагматически предвидел, персонально годами её создавал и парадигму её скрупулёзно выстраивал.

Поэтика Кузьмина политизирована. Его политическая позиция после 2014 года по отношению к российской власти чётко обозначена. Он является активистом гей-движения и одним из самых известных представителей гей-литературы.

В 2012 году престижная премия Андрея Белого была вручена Кузьмину в номинации «За особые заслуги перед русской литературой», с формулировкой: «...за подвижничество в деле построения литературного Вавилона и творческое приумножение традиций неофициальной словесности».

* * *

Я научил тебя, что не бывает
измены, человек широк,
и в сердце для двоих или троих хватает места.
Измены нет, но разве это значит,
что нет и верности?
Он говорит тебе, что ты – его.
Я не могу сказать тебе: ты мой,
я слишком дорого ценю твою свободу.

Своим же собственным ты быть не научился.
Немного мелких звёзд
на голых ветках, проволочный космос,
и недостроенный квартал в ночное время суток
не отличить от полуразрушенного

Хорошо известно влияние на Гинзберга «объективиста» Уильяма Карлоса Уильямса; что же касается Кузьмина, то он «в русской поэзии отвечает за «объективистскую» линию, которая в полной мере в отечественной словесности так и не сложилась. Она смогла «переработать» битников, языковую школу, но требующий принципиального аскетизма объективизм всегда существовал на периферии внимания. Кажется, так будет продолжаться и далее – даже несмотря на то, что в американском контексте он уже часть массовой культуры (вспомним «Патерсона» Джармуша, где создававшийся Уильямом Карлосом Уильямсом «американский идиом» становится предметом иронического пастиша)». ¹

Жаль, что моя встреча с Питером и Алленом не случилась на несколько лет позже. К середине 1990-х в Нью-Йорк приехал на ПМЖ поэт и журналист Ярослав Могутин. Мы периодически общались: Слава писал на разные темы контroversные статьи для нью-йоркского еженедельника «Печатный Орган» (я был в нём издателем, главредом и журналистом одновременно); выступал со стихами, вошедшими в 1997 году в могутинский сборник «Упражнения для языка», в манхэттенском кафе Apuway, где я был одним из двух совладельцев – и познакомил меня с квир-поэзией. Будучи абсолютным гетеросексуалом, я мало что о ней знал. Ориентация моя с тех пор не изменилась, но в теме гей-литературы я стал разбираться лучше, так что Гинзберг и Орловски моим нынешним ответам, не сомневаюсь, искренне бы порадовались.

Дмитрий Кузьмин родился в 1968-м. Для некоторых моих знакомых, появившихся на свет в том же году, характерны обострённое чувство справедливости, гражданской ответственности и повышенная реакция на любое ограничение прав и свободы. Хотелось бы высказать недоказуемую мысль о том, что как зачатые во время проходившего в Москве в 1957 году VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов «дети фестиваля» рождались с тёмным цветом кожи, так и рождённые в год подавления советскими танками «Пражской весны» обладают некоей спецификой – иммунитетом против диктатуры, подавления личности и нередуцируемой власти империи. Безусловно, никаких

---

¹ К. Корчагин. «Стихотворения, которые невозможно читать в России» Дмитрия Кузьмина. Ж-л «Дискурс». URL : <https://discours.io/articles/culture/stihotvoreniya-kotorye-nevozmozhno-chitat-v-rossii-dmitriya-kuzmina>

оснований для обобщений у меня нет, статистика на этот счёт, понятно, не ведётся, так что спорное предположение об уникальности рождённых в СССР в 1968 году оставим на уровне гипотезы.

как много зла
нас с тобой
обошло стороной
тебе не пришлось
проводить меня в гетто
прятать в подвале
мы не успели
родиться тогда
народный суд
нас не успел
отправить на место
возле параша...

Для Дмитрия Кузьмина точкой (кипения), если угодно, гражданского неповиновения/возмущения стал 2014 год – аннексия Российской Федерацией украинского Крыма. Ещё до марта 2014-го, в декабре 2013 года Кузьмин становится инициатором коллективного обращения писателей России в поддержку Евромайдана, и категорически выступает против вмешательства РФ в украинские политические процессы. В дальнейшем он продолжает резко критиковать российский политикум и эмигрирует из России в Латвию в знак протеста и непринятия внешнего, и ожидаемо – внутреннего, курса страны, в которой родился и вырос. Также он выступает с негативной оценкой руководства Русской православной церкви.

Одно из интервью, посвящённое политической, в частности, позиции Кузьмина, озаглавлено столь говоряще, что его текст можно бы и не читать: «Я выбрал эмиграцию, чтобы не видеть в каждом встречном того, кто готов позвонить в гестапо». В наэлектризованной атмосфере антиукраинской пропаганды в стране, и нетерпимости во всех социальных слоях, включая и уровень российского обывателя, по отношению к тем, кто не согласен с кремлевской идеологией КРЫМНАШ, Кузьмин пересёк границу с Евросоюзом, по-видимому, без какого бы то ни было сожаления. Как тут не вспомнить строки из Михаила Кузьмина: «О, быть покинутым – такое счастье! / Быть нелюбимым – вот горчайший рок».

«Я прожил в России всю жизнь, 45 лет, за вычетом полугода преподавательской работы в США, и никогда не думал об эмиграции. <...> Сегодняшняя российская власть – образцовый пример отрицательного отбора: она соединила в себе всё худшее, что было в безыдейной бюрократической диктатуре позднего СССР и в

рейдерском диком капитализме 90-х. Сделана ставка на пробуждение в народе самых отвратительных инстинктов: ненависти к Другому, будь то геи с лесбиянками или американцы с украинцами <...> Но удивительно не это, а то, насколько охотно народ обморачивается: от 80 до 90 процентов поддержки властей по любому вопросу. И тут я понимаю, что я готов жить в стране, руководство которой мне ненавистно, но не готов – в стране, где девять граждан из десяти это руководство поддерживают. Лично я никак не пострадал от режима, а эмиграция для меня — напряжение всех сил, угроза большинству профессиональных проектов, мучительное расставание с несколькими очень близкими людьми. Но я провёл последние несколько месяцев в России, ежедневно вспоминая сцену из «Семнадцати мгновений весны», где вполне милые тётки-акушерки, осознав, что роженица с немецким именем кричала на славянском языке, говорят друг другу: ну что, вы позвоните в гестапо или мне позвонить? Общество с девяностопроцентной поддержкой начальства работает именно так – и я выбрал эмиграцию, чтобы не видеть в каждом встречном того, кто готов позвонить в гестапо. <...> Моё дело – собирать и пропагандировать другой «русский мир», не имеющий ничего общего с «русским миром» кремлёвской выпечки, замешанном на лжи и насилии, КГБшном православии и ржавых танках. И Прибалтика для этого – не худшее место». ¹

У всякой империи – свой Вьетнам, Крым, Порт-Артур, Вандея либо Ватерлоо. В известном смысле, то направление, которое держит с 2014 года Кузьмин по отношению к РФ, как её фронтёр и последовательный критик, укладывается в традицию, ведущую начало с середины XIX века, с деятельности Александра Герцена, эмигрировавшего в Англию. Тем более, что обоими был выбран сходный инструментарий из сферы печатного дела: основанные А. Герценом и Н. Огаревым «Полярная звезда» и «Колокол», а в случае Д. Кузьмина – не подцензурное, переведённое за границу в Латвию издательство «АРГО-РИСК», успешно функционировавшее с 1993 года; литпортал «Воздух» (с 2006 года); давно предусмотрительно перенесённый в сеть, созданный в 1992 году Кузьминым Союз молодых литераторов «Вавилон».

Родина
к одним посылает туристов

---

¹ Кузьмин Д. Я выбрал эмиграцию, чтобы не видеть в каждом встречном того, кто готов позвонить в гестапо. Плаг. 22.12.2014. URL : <https://plug.ee/2014/12/dmitriy-kuzmin-ya-vyibral-emigratsiyu-chtobyi-ne-videt-v-kazhdom-vstrechnom-togo-kto-gotov-pozvonit-v-gestapo/>

с секретной отравой,
других снимает
с летящего над ней самолёта,
и, пока она занята
большими делами,
звенит последний звонок,
выпускники становятся в круг,
руки кладут друг другу на плечи
и поют, качаясь:

*Когда тебя не слышат,
Для чего кричать?..*

Мандельштам о России времён Чаадаева писал: «В младенческой стране, стране полуживой материи и полумёртвого духа...» («Пётр Чаадаев»). К нынешним российским материи и духу у Кузьмина отношение однозначное, его неприязнь к политике Кремля и неприятие того, как с готовностью подстраиваются под неё 90% россиян, высказано по-воински отважно и по-военному прямо. Похоже, в этом Кузьмин непоколебим, неустанен и готов идти до конца.

В английском языке есть выражение, которому в русском не сразу найду аналог: He, who despises his own life, has power over yours. В случае с Кузьминым, я бы трактовал в переводе на русский, как «тот, кто одержим, сильнее тебя». Примерно о том же говорится и в Кодексе Бусидо (путь японского воина): «Подлинный самурай не думает о победе и поражении. Он без оглядки бросается навстречу неизбежному».

Неизбежным было и столкновение Дмитрия Кузьмина с витринным целомудрием российского общества и полученной в наследство от СССР «пуританской», ханжеской постсоветской культурой. К хрестоматийному высказыванию Андрея Синявского: «С Советской властью у меня разногласия эстетические», – Кузьмин мог бы добавить, без сомнения: и этические, и онтологические, и логические, и гносеологические с аксиологическими... По всей философской шкале, поскольку традиционный российский домострой наперёд знает, что хорошо и плохо, и всегда найдет способы на своих ценностях настоять.

Только сейчас прочитал фейсбучный пост доцента НИУ ВШЭ Михаила Половца о том, насколько в рутинёрской среде невозможно пребывание живого языка:

«Меня вот какой вопрос занимает: как бы отреагировало наше воспалённое общество, если бы в школьную программу попало произведение, в котором есть слово, простите, "жсона"? Тут ответ

понятем произведение убраться, в крайнем случае – слово заблудить.

А вот если это слово в произведении отчётливо звучит, но вроде бы не написано? Поясняю: кажется, еще Алексеем Кручёных было подмечено, что строчки из программной поэмы Блока "Двенадцать": "Утёк, подлец! Ужо, постой, / Расправлюсь завтра я с тобой!"? – звучат совершенно недвусмысленно: "У, жопа, стой..." <...> поэт, похоже, не видел других способов передать ту "музыку революции", ту "языковую стихию народной речи", которые в дни революции выплеснулись на улицы столицы: он эту музыку слышал – и передал её как есть.

Но что делать учителю? <...> послать лесом бдительных граждан с их обостренной чувствительностью к "не тому" русскому языку?».

Здесь разговор о вполне невинном слове. А что говорить об общенной лексике? Да, что там! О взглядах на жизнь и нетрадиционных отношениях между полами, которые никак не укладываются в общепринятый моральный топос, поскольку российское общество настолько лицемерно, что ощущает себя единой и неделимой социальной группой, и никак иначе. В таких условиях воспринимается в штывы уже само по себе существование LGBTQ+, подчеркивающее «разнообразие сексуальности и гендерной идентичности на основе культуры и используемое для обозначения гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных людей».

Сегодня в США трудно представить, что в России всё еще ломают копыта и бьют горшки по этому поводу. В любом, практически, американском сериале и фильмах последних лет вы найдёте нетрадиционные пары во всём их многообразии, а семья из папы-мамы одного пола и, к примеру, дочь, одетая как сын (и наоборот) – общее место. В этом плане, леволиберальная цензура трудится без отдыха («есть у революции начало, нет у революции конца!»), и ближайшее будущее покажет, можно ли говорить о банальном пропагандистском переборе? Однако время, когда ориентация, отличающаяся от гетеросексуальной, имела негативную оценку/окраску, прошло – поэтому создаётся впечатление, что в РФ время остановилось, раз LGBTQ+ своё гражданское, социальное равенство всё ещё необходимо доказывать.

«Самое интересное, что мы сегодня продолжаем вести разговор в этой традиционной парадигме меньшинства, защиты его прав, того, что если человек другой, то это не значит, что он плохой и "дурной". Это всё правда, и правда то, что ксенофобия – это инструмент бездарной и бессильной власти для того, чтобы народ разделить или

легче им управлять. Но фокус-то в другом! Фокус в том, что мы – в данном случае весь мир – переживаем смену культурной парадигмы, смену системы представлений. И в новой системе представлений уже нет никакого меньшинства, которое называется "геи", "гомосексуалы" и так далее, а есть просто люди, и индивидуальная сексуальность каждого человека абсолютно неповторима, уникальна, может комбинировать и варьировать свои черты в весьма широком диапазоне. И это то, что мы сегодня наблюдаем в большей степени в западных странах, которые просто раньше успели. <...> ...мир явлений континуален, он не делится вот так жестко на чёрное и белое, на гомосексуальность и гетеросексуальность. И очень скоро такое деление просто уйдёт в прошлое, как страшный сон».¹

Другое дело, что в США сегодня поставлен ребром вопрос: какова для американского социума и его основ окончательная цена этой свободы? Благими намерениями вымощена дорога в ад, как известно, и гендер-активисты на местах так рьяно проводят в жизнь партийную повестку, что миллионам американцев становится не по себе. Невольно возникает ощущение, что США нынче являют собой пример того, до каких крайностей может прийти идеология, основные устремления которой (хотя это качественные характеристики любой идеологии) – подавлять несогласных с ней и как можно шире распространяться, всё и вся под себя подминая.

Приведу один пример, при том, что в консервативных, да и либеральных СМИ подобных историй сейчас хватает. Московский поэт Владимир Эфроимсон, уже несколько десятилетий проживающий на Восточном побережье США, написал на днях у себя в Фейсбуке:

«Разговаривал со своим старинным другом. И он рассказал, что его внучке в пятом классе в школе дали книжку для внеклассного чтения. В книжке на ста с лишним страницах рассказывается про девочку и мальчика. Девочка мечтает стать мальчиком, а мальчик девочкой. По этому поводу у них очень сильные переживания, большие психологические проблемы, опять переживания, и в конце книжки в результате всех этих переживаний мальчик себя оскопляет, отрезает себе ту часть тела, которая мешает ему быть девочкой. Вы поняли? Это внеклассное чтение для пятиклассников, детей одиннадцати лет! А когда родители по этому поводу стали возмущаться, им сказали: "А что вы возникаете? Это предлагается читать не вам, а вашим детям. Давайте, у них спросим". И спросили: "Дети, поднимите руку, кто хочет прочитать книжку, которую ваши родители хотят запретить

---

¹ Автор и ведущая Татьяна Ткачук. Мода на гомосексуализм в России. Радио «Свобода». 28.01.2005. URL : <https://archive.svoboda.org/programs/pf/2005/pf.012805.asp>

вам читать". Ну и понятно, как проголосовали дети. Только четверо (в том числе и внучка моего друга) заявили, что такую книжку они читать не хотят. На что им было сказано: "У нас демократия, и если большинство решило, то вам тоже придётся прочитать. И написать об этой книжке эссе". Причем школа считается очень хорошей, одной из лучших в тех краях».

Я мог бы от себя добавить несколько схожих историй, поскольку мои дети закончили американскую школу в последние годы президентства Барака Обамы и их учителям было чем нас, родителей, в плане гендерного образования поразить и шокировать.

В «Истоках тоталитаризма» Ханна Арендт отмечает, что тоталитарная идеология нередко выступает под видом пророчества. Как откровение последней истины. Сам факт несогласия с ней оказывается достаточным основанием, чтобы признать утверждение ошибочным, а его автора – врагом. Точь-в-точь это происходит в наши дни в Америке (добавлю к нашей теме одиозные Cancel Culture и Critical Race Theory, которую с переменным успехом также активно пытаются продвинуть в школьные программы для младших классов), по известной сентенции Григория Померанца: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело. Всё превращается в прах – и люди, и системы. Но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело».

Когда речь в этих заметках заходит о гендерных проблемах или политической платформе, то главный ракурс – пребывание этих денотатов в литературе. По большей части, Кузьмин пишет верлибром, хотя может сорваться и в силлаботонику. Не могу сказать, насколько часто, но в его фб-профиле недавно был размещён, в ответ на стихотворение, к нему с вызовом и по-хамски обращённое, конвенционально написанный, хлёсткий текст: «Скажи-ка, дядя, если видишь сам, / Что там взметнулось гордо к небесам, / Буквально всей Расее солнце застыло? / Взглянул окрест наш дядя – ох, еблысь! / Содомская там башня рвётся ввысь, / От ней у русской музы все несчастья...».

В конце – пояснение автора: «Это не стихотворение в собственном смысле слова, а ответ на помещённое в предыдущем посте».

Традиционный объективизм, за продолжение которого в русской словесности, по мнению К. Корчагина, «отвечает» Кузьмин, заключается в том, чтобы относиться к стихотворению как к объекту – без какой бы то ни было рефлексии, с минимальным использованием тропов и способностью поэта ясно смотреть на окружающий, да и на внутренний мир. Рациональное, вдумчивое письмо, в котором эмоции

высказаны, скорее, средствами монтажа, нежели метафорами, междометиями, свойственными романтизму лирическими описаниями или символистскими аллегориями.

В прямом смысле, по жанру здесь больше вербатима (правдивости, диалогичности, репортажности), чем художественности/изобразительности.

Это не означает, что если таким «стихотворением бросить в окно, то стекло» не разобьётся, как определял поэтическое Даниил Хармс. В то же время, способность поэта-объективиста сдержанно смотреть на мир, близка к определению «истинной поэзии», которое в 1930 году дал основатель «парижской ноты» Георгий Адамович в своей итоговой книге «Комментарии»: «Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле и вдруг взлетали... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы всё было понятно, и только в щели смысла врывается пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а всё вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы “ах!”; чтобы “зачем ты меня оставил?”, и вообще, чтобы человек как будто пил горький, чёрный, ледяной напиток, “последний ключ”, от которого он уже не оторвётся. Грусть мира поручена стихам».

Завершу проводить аналогии, поскольку можно выстроить длинный ряд: так, поэт и философ Виталий Лехциер ведёт поэтику Кузьмина от Владислава Ходасевича, а американский филолог Стефани Сандлер видит близость его текстов с Ольгой Седаковой. При этом отмечу, что разговор об объективистском чувстве формы у У. Карлоса Уильямса, Эзры Паунда, Луи Зуккофски, Чарльза Резникоффа, об их сосредоточенности на повседневной лексике, чёткости гражданского высказывания (не теряющего, при том, эстетической значимости), их интересе к политике, проблемах социума и экономики, можно продолжить цитатами из текстов Д. Кузьмина. Конечно, с известной долей условности и со ссылкой на российскую специфику, нынешнюю проблематику и современный интонационный строй. Речь не о заимствованиях, а о схожем мироощущении и в чём-то родственном мировоззрении.

ЛИНОР

Хороший мальчик каждое утро поливает все цветы, встаёт на стул, чтобы достать до горшков на верхней полке, встаёт в носках, тапочки оставляет на полу под стулом. Плохой мальчик каждое утро надевает свежую футболку, а вчерашняя остаётся где-нибудь на полу, под кроватью. Хороший мальчик перед тем, как уйти на работу, проверяет, что кончилось из еды, а после работы покупает в магазине именно это.

Плохой мальчик раз в неделю в неделю в неделю по обещанию приносит каких-нибудь особенных творожных сырков, а потом долго роется в холодильнике, изучая надписи на продуктах и презрительно отодвигая всё, чему вышел срок годности. Хороший мальчик ходит с тобой туда, куда тебе хочется, постепенно учится этим интересоваться. Плохой мальчик хихикает: вот ведь, говорит, на что ты тратишь время жизни. Хороший мальчик вечером, когда ты сидишь за компом, пристраивается на полу у ног и кладет голову на бедро. Плохой мальчик, стоит тебе сесть за статью, возникает в дверях и требует, чтобы его пустили посмотреть, не пришла ли ему новая почта. Хороший мальчик, когда ты склонился над ним ночью, выдыхает: какой ты красивый! Плохой мальчик в разгар эротических игр прихватывает тебя за отросший на боках жирок: а это что такое? Хороший мальчик однажды вечером залезает к тебе на колени и говорит: знаешь, я очень люблю тебя, но... Плохой мальчик ходит весь вечер осунувшийся, варит впервые в жизни тошнотворный суп из рыбы с цветной капустой, а ночью прижимается всем телом и плачет навзрыд вместо тебя.

Понятно, что на одном объективизме не стоит заикливаться: мало ли с кем и с чем могут быть внутренняя связь и переклички, учитывая уже упомянутых Корчагиным битников, и поэтов калифорнийской авангардной L.A.N.G.U.A.G.E school. И неупомянутых нескольких десятков поэтов и прозаиков, которых переводит Кузьмин, пишущих по-английски, по-немецки, по-французски, по-португальски, по-испански, по-польски, по-украински, по-белорусски.

Кузьмин-переводчик – особая, слишком пространная тема, чтобы как-то более-менее детально осветить её в этих заметках. В переводческом деле он является достойным продолжателем дела семейного – внук Норы Галь, переводчицы с английского и французского, прославившейся переводами «Маленького принца» Сент-Экзюпери, «Постороннего» Камю, «Убить пересмешника» Харпер Ли.

Судя по публикациям в Фейсбуке, Кузьмин переводит едва ли не каждый день, чего не скажешь о стихах, тем более, о статьях – последнее объяснимо, что называется, по техническим причинам: «Вообще бюджет времени – это только часть айсберга: ведь вот переводов у меня с годами становится не меньше, а больше. Просто когда так много работаешь с чужими текстами, когда отчётливо видишь, насколько самых разных замечательных произведений много, – добавить что-то новое от себя хочется только в том случае, если без этого совсем уж никак не обойтись. Вот со статьями да, сложно: я их пишу не особенно быстро, остальная работа на это время встает...»¹. Переводы отличные, с максимальным приближением к оригиналу. В

---

¹ Владимир Коркунов. «Зумеры, конечно, уже пишут стихи». Дмитрий Кузьмин: большое интервью. Colta.ru, 22 июня 2020 года. URL : <https://www.colta.ru/articles/literature/24745-dmitriy-kuzmin-bolshoe-intervyu>

своей видеолекции¹ об американской поэзии Кузьмин рассказывает о том, что Корней Чуковский, переводя Уитмена, написал текст с немалым расхождением по отношению к английскому первоисточнику – по причине тщательно скрываемой от советского читателя гомосексуальной ориентации американского классика. Перевод того же верлибра Уитмена Кузьминым максимально приближён к оригиналу и выполнен мастерски. Здесь могу сказать: «Снимаю шляпу!» – переводы Кузьмина, по сути, это гигантская работа по открытию литературных имён для русского читателя, поэтических континентов и стран: от классиков мировой литературы до не признанных в мировой табели о рангах либо признанных поэтов, включая и нобелевских лауреатов:

14.

Задание было влюбиться.

Автор – женщина.

Её «я» пришлось называть душой.

Местом действия было тело.

Звёзды изображали всё остальное: разум, мечты и т. д.

Возлюбленный был отождествлён
с собой: нарциссическая проекция.

Разум был побочным сюжетом. Он и дальше трепал языком.

Время переживалось

не столько как нарратив, сколько как ритуал.

Что повторялось, то обретало вес.

Некоторые концовки были трагичны и потому приемлемы.

Всё остальное никуда не годилось.

Луиза Глик. Три стихотворения из книги «Аверн» (в переводах Дмитрия Кузьмина).

Как пишет Вячеслав Курицын на уже упомянутом выше ресурсе: «Кузьмин отстаивает прежде всего интересы писателей, родившихся после 1970 года, а также утверждает, что сегодня русская поэзия сильнее, чем при Пушкине и Есенине». По сути, это сродни названию известного хита Чака Бэрри *Roll Over Beethoven*, что гораздо раньше похоже прозвучало в манифесте русских футуристов – «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. классиков с парохода современности».

---

¹ Современная американская поэзия. Лекция Дмитрия Кузьмина. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=LjuxmbfdJCK>

На самом деле, на портале Кузьмина «Воздух» представлены поэты самых разных эстетик и поколений, а в его издательстве «АРГО-РИСК» выходят сборники отнюдь не только «родившихся после 1970 года» писателей (Генрих Сапгир, Виктор Кривулин, Дмитрий Пригов, Нина Искренко, Михаил Айзенберг, Алексей Цветков, Бахыт Кенжеев...).

Да и в созданных Кузьминым интернет-справочнике «Новая литературная карта России» и в галерее «Лица русской литературы», можно увидеть немало знакомых имён тех, кто родившимся в 1970-х годятся в старшие братья/сёстры, а в то и в матери/отцы.

Как это принято в популярных американских опросниках, если представить, что прилетели инопланетяне, то какую бы книгу вы им предложили, чтоб они получили представление о земной культуре? По части единственной книги я бы название дать затруднился, но зайти речь о ресурсах, то нескольких перечисленных выше для представления о современной русской литературе и её Доме культуры было бы вполне достаточно.

Как уже было сказано выше, русской литературе с Дмитрием Кузьминым повезло.

И, безусловно, инопланетянам.

... в чумной год
нас издыхающих
не сожгли вместе с домом
обезумевшие соседи
инквизиция
опричина
сабли монахов
кресты римлян
всё это нас миновало
я выхожу
в полночь к песочнице
на дежурство

никого нет